

еще один портрет в галерее участников бородинского сражения: евграф николаевич струйский

Выявление и атрибуция портретов участников Бородинского сражения является одним из важных направлений в изучении эпохи Отечественной войны 1812 года. Об этом, в частности, свидетельствуют темы докладов целого ряда исследователей, выступавших в последние годы на ежегодных конференциях в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, и научные публикации в различных тематических сборниках, посвященных эпохе 1812 года¹. Обращение ученых (историков, искусствоведов, музейных работников) к различным вопросам иконографии не только расширяет портретную галерею участников Бородинского сражения, но и в преддверии 200-летия Отечественной войны 1812 года позволяет обратиться к созданию обобщенного труда, который включил бы все дошедшие до настоящего времени портретные изображения генералов, офицеров и «нижних чинов», сражавшихся на «поле русской славы».

В этой связи несомненный интерес представляет портрет одного из участников Бородинской битвы капитана 9-й фузелерной роты Киевского гренадерского полка Евграфа Николаевича Струйского. Его имя мало что скажет современным исследователям. Хотя филологи, безусловно, могут связать фамилию Струйского с литературным наследием А.И. Полежаева, коллекционеры раритетных книжных изданий - с именем его отца, Николая Еремеевича, а искусствоведы - с творчеством Ф.С. Рокотова. Казалось бы, портрет Е.Н. Струйского должен быть хорошо известен историкам, а также знатокам русской литературы и живописи первой половины XIX в. Тем более что в начале XX в. он дважды воспроизводился в различных периодических изданиях. Первый раз, в 1904 г., на страницах «Варшавских университетских известий» его опубликовал Е. Бобров в своей статье, посвященной жизни и творчеству поэта А.И. Полежаева². Затем, в 1915 г., портрет Е.Н. Струйского был воспроизведен в журнале «Столица и усадьба». Под ним стояла надпись: «Евграф Николаевич Струйский, один из участников войны 12 года»³. Очевидно, именно это изображение в журнале послужило прототипом для почтовой карточки, обнаруженной нами в фотофонде Государственного архива Пензенской области в 2001 г.⁴ За последние десятилетия портрет Е.Н. Струйского по крайней мере трижды публиковался в краеведческой литературе: И.Д. Ворониным, Н.Л. Васильевым и С.В. Белоусовым⁵. Причем источником для публикации каждым автором этого портрета стали черно-белые репродукции, помещенные на страницах дореволюционных изданий. Но где находился подлинный портрет Е.Н. Струйского, до последнего времени оставалось неизвестным. Поиски затруднялись тем, что многие ценные предметы из имения Струйских были разделены между многочисленными потомками, которые еще в конце XIX - начале XX в. распродали их небольшими партиями в различные музеи страны. Лишь в 2008 г. в результате проведенной исследовательской работы было установлено, что данный портрет находится в отделе ИЗО Государственного исторического музея. Однако по какому-то недоразумению он долгое время числился в собрании ГИМ как «Портрет неизвестного»⁶.

История поступления этого портрета в Исторический музей такова. В 1901 г. фонд живописи Императорского Российского исторического музея пополнился несколькими произведениями искусства, в том числе тремя живописными портретами членов семьи Струйских: Николая Еремеевича, Александры Петровны и их сына Евграфа Николаевича⁷. Музей приобрел их у некоего врача Фролова за 100 руб. Парные портреты родителей Е.Н. Струйского, принадлежавшие кисти Ф.С. Рокотова (1735-1808), были особенно отмечены в годовом отчете Исторического музея за 1901 г., как «интересные не только по прекрасной работе, но и по изображенным лицам в костюмах XVIII века»⁸. Там же было уточнено, что происходят они из родового имени Струйских - Рузаевки, Пензенской губернии, «писаны масляными красками в 1772 году».

В 1923 г. в Москве проходила выставка, посвященная творчеству Ф.С. Рокотова⁹, на которой экспонировались и парные портреты родителей Евграфа Николаевича Струйского из собрания Исторического музея. А уже в 1925 г. произошло искусственное «разделение» семьи Струйских: портреты родителей были переданы в Государственную Третьяковскую галерею на постоянное хранение, а портрет сына (Евграфа Николаевича) остался в ГИМе.

Струйские принадлежали к древнему дворянскому роду, который вел свое происхождение из Польши. Его представители появились в России в конце XV в., в царствование Ивана III. Фамилия Струйских, очевидно, связана с названием польского города Струже, расположенного недалеко от Кракова, и в ранних документах писалась несколько иначе: Стружские, Струшские, Струтские, Струсские. Многие представители рода служили «Российскому Престолу разные дворянские службы и жалованы были от Государей в 7120 (1611-1612 гг.) и других годах поместьями». Первым документом, свидетельствующим о поместном владении Струйских, является список с грамоты, датированной июнем 1612 г.¹⁰ Грамота была выдана Китаю Васильеву сыну Стружскому на нижегородские земли (75 четвертей), данные к его поместному окладу из пустоши немчина Федора Либакина. При этом отмечено, что она написана от имени бояр и воевод Дмитрия Пожарского «со товарищи». Очевидно, это свидетельствует о каком-то участии Китаю Струйского в событиях

Смутного времени. Интересно, что Струйские считали себя в родстве с боярами Шуйскими и Струся-ми. Среди последних более всего известен Николай Струсь, бывший в 1612 г. командиром польского гарнизона в Москве¹¹.

Род Струйских был внесен в шестую часть «Московской дворянской родословной книги», куда включались «древние благородные роды», «коих доказательства дворянского достоинства» восходили за 100 и более лет до жалованной грамоты Екатерины II, т.е. до 1685 г. В «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи» герб рода Струйских описан следующим образом: «В щите, имеющем голубое поле, изображены три серебряные полумесяца, рогами обращенные в правую сторону. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой виден черный одноглавый орел с распростертыми крыльями. Намет на щите голубой, подложенный серебром»¹².

Евграф Николаевич Струйский родился около 1789 г. в многодетной семье отставного гвардии прапорщика Николая Еремеевича Струйского и его жены Александры Петровны, урожденной Озеровой.

Родители Е.Н. Струйского достойны того, чтобы сказать о них не сколько слов. Николай Еремеевич родился, вероятно, в Москве в 1749 г. Там же получил хорошее домашнее образование. В 1763 г. он был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. Прослужив несколько лет, уже в 1771 г. Н.Е. Струйский подает в отставку. Весной 1772 г. отставной гвардии прапорщик сочетается законным браком с юной красавицей Александрой Петровной Озеровой, дочерью помещика Нижнеомовского уезда Пензенской губернии. А.П. Озерова при ходилась дальней родственницей графу П.Х. Обольянинову - лю бимцу Павла I, занимавшему в годы его правления пост генерал-прокурора, который был женат на ее двоюродной сестре¹³. Вскоре после свадьбы Николай Еремеевич заказал парные портреты (свой и своей молодой жены) Ф.С. Рокотову, с которым он был дружен¹⁴. Эти портреты стали настоящей жемчужиной в творческом наследии великого русского художника. Особенно поражает своей величавостью и грациозностью портрет А.П. Струйской, о которой так ярко и проникновенно позднее в стихотворении «Портрет» (1953) напи сал поэт Н.А. Заболоцкий:

Ты помнишь, как из тьмы былого, Едва закутана в атлас, С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас.

Ее глаза - как два тумана, Полуулыбка, полуплач, Ее глаза - как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок, Полувосторг, полуиспуг, Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают И приближается гроза, Со dna души моей
мерцают Ее прекрасные глаза.

Молодые супруги поселились в Рузаевке, имении, расположенном в 30 верстах от Саранска, которое еще в 1757 г. купил отец Н.Е. Струйского Еремей Яковлевич. Вскоре по соседству с ним были приобретены и другие земельные владения, включавшие такие населенные пункты, как Суркино, Кавторово, Шебдас, Пишли, Пайгарма, Архангельское-Голицыно, Лямбирь, Акшенас, Покрышкино и другие, которые фактически составили настоящее «княжество». В конце XVIII в. за Струйскими числилось более 2700 крестьян мужского пола.

Мы имеем возможность представить, как выглядело рузаевское имение. Князь И.М. Долгорукий, бывший в 1791-1797 гг. пензенским вице-губернатором, часто бывал в Рузаевке. В 1813 г., после одной из своих поездок уже в качестве частного лица, он писал: «Рузаевка - место прекрасное, в ней до 1000 душ с лишком крестьян. Почва земли делает их пахарями; везде чернозем. Хлеб родится чрезвычайно хорошо. <...> Мы были... во время жатвы: крестьяне, как муравьи, на всех полях шевелились, и по несколько верст тянулись подводы со снопами; ничего нельзя сравнить с сим естественным зрелищем трудолюбия, благословляемого природой! Везде жнут, или косют; все поют, все в торжественном одеянии. <...>

В Рузаевке прекрасный сад, широкие дороги, высокие и густые стены дерев делают приятную тень от жара; везде чисто и опрятно. <...> Дом огромной в три этажа, строен из старинного кирпича, но по новейшим рисункам¹⁵. В гостиной комнате несколько прекрасных картин. <...>

В селении два храма, один старинной, или лучше сказать, старой: в нем вся живопись иконная на итальянский вкус. <...> Другая церковь выстроена после меня уже с отличным великолепием: все стены одеты мрамором искусственным. <...> Храм обширной, величественной; академики писали весь иконостас. Колоннада белого мрамору пред алтарем превосходит всю прочую работу: мало таких храмов видал я по городам, не только в селах; да в сих последних, думаю, что подобного нет во всей России»¹⁶.

Николай Еремеевич, «оставя службу прапорщиком гвардии и при страстившись к стихотворству, имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его было доведено до наилучшего в то время в России искусства, он подносил Екатерине разные свои труды, и она изволила красотой изданья хвастать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за тысячу верст от столицы в глуши, под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посылала перстни бриллиантовые в подарок. <...> Страна не была в образе жизни, в обращении, в одежде, в правилах, во всем. Дом его в

деревне был высок и огромен; в нем, на самом верху, он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим; этот кабинет завален был всякой всячи ной и представлял живое пособие хаоса»¹⁷. Н.Е. Струйский с большим пиететом относился к Екатерине II. «Кончина государыни так сильно поразила его воображение, - писал И.М. Долгорукий, - что он слег горячкой, лишился языка и умер очень скоро»¹⁸.

Александра Петровна была «женщина совсем других склонностей и характера; тверда, благоразумна, осторожна, она соединяла с самым хорошим смыслом приятные краски городского общежития, жива ла в Петербурге и в Москве, любила людей, особенно привязавшись к кому-либо дружеством, сохраняла все малейшие отношения с раз борчивостью прямо примерной в наше время. <...> Дома в деревне строгая хозяйка и мастерица своего дела; в городе не скряга, напротив, щедрa и расточительна»¹⁹. Она пережила мужа более чем на 40 лет и умерла в 1840 г.

Прожив в браке без малого четверть века, Н.Е. и А.П. Струйские имели 18 детей. Лишь восемь из них смогли дожить до совершеннолетия.

Старшим сыном в семье Струйских был Юрий, родившийся в 1774 г. Получив домашнее образование, он был определен в Конную гвардию и вышел в отставку в чине корнета, являясь после смерти отца вместе с матерью опекуном младших братьев и сестер. Петр (ок. 1780 - 8.11.1845) в раннем возрасте был записан в лейб-гвардии Семеновский полк. Про служив несколько лет, он был отставлен в чине поручика. Получив по разделу имущества с. Починки и земли у д. Шедас, он поселился в Ин-сарском уезде, Пензенской губернии, неоднократно служил по выборам дворянства, а с 1821 по 1824 г. даже являлся уездным предводителем.

Весьма трагичной оказалась судьба еще двух сыновей Н.Е. Струйского - Леонтия (1783-3.10.1823) и Александра (ок. 1787-2.7.1834). Именно Леонтий приходился отцом известному поэту А.И. Полежаеву (1804-1838). В мае 1820 г. по решению суда он был сослан в Тобольск за то, что избил за какую-то провинность своего управляющего М. Вольнова, скончавшегося от причиненных побоев. В ссылке после продолжительной болезни Л.Н. Струйский и умер.

Александр Николаевич Струйский, как и его брат Евграф, избрал военную карьеру. В 1803 г. после окончания Пажеского корпуса он поступил юнкером в Кавалергардский полк, но уже в следующем году был переведен корнетом в лейб-гвардии Уланский полк. В составе этого полка он участвовал в военных кампаниях 1805 и 1807 гг. против наполеоновской Франции. Сражался при Аустерлице, Гут-штадте, Гейльсберге. В сражении при Фриланде был ранен пулей в грудь. В чине капитана лейб-гвардии Драгунского полка А.Н. Струйский участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии. Сражался при Вилькомире, Островне, Смоленске, Бородине. После оставления Москвы находился в партизанском отряде генерал-майора И.С. Дорохова. В сражении при Красном был ранен пулей в правую ногу. Его имя выбито на мраморной доске №24 Галереи воинской славы храма Христа Спасителя в числе раненых в сражениях 2-6 ноября 1812 г. и награжденных орденом Св. Георгия 4-го класса²⁰. В 1813-1814 гг. А.Н. Струйский сражался при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Фер-Шампенуазе, находился при взятии Парижа. За отличие в различных сражениях он был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степени, Св. Анны 2-й степени с алмазами, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой с надписью «За храбрость», Кульмским крестом, а также орденом Св. Владимира 3-й степени и серебряными медалями «В память войны Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа»²¹.

Александр Струйский был любимцем великого князя Константина Павловича, отличался горячностью, прямодушием и любовью к справедливости, о чем свидетельствует история, рассказанная впоследствии историком и творчеством А.И. Полежаева Е. Бобровым: «У А.Н. Струйского был товарищ по службе и по оружию, некто Чи черин. Цесаревич очень любил обоих, как Струйского, так и Чичерина. Однажды дружба между Струйским и Чичериным нарушилась по следующему поводу. Награды за военные отличия раздавались и после окончания войны 1812 г. Награждали между прочим австрийским (не австрийским, а прусским. - С.Б.) орденом Pour le mérite. При раздаче этого австрийского знака произошла ошибка. Александр Николаевич взял в плен небольшой отряд неприятелей, как сказано было в приказе, удачно и без особого кровопролития. В реляции же на место имени Струйского оказалась фамилия Чичерина, который и получил Pour le mérite. Тогда возмущенный А.Н. Струйский потребовал от Чичерина, чтоб он отказался от незаслуженной награды, доставшейся ему по ошибке. Чи черин отказался выполнять требование Струйского, и тот вызвал его на дуэль. Цесаревич, узнав о происшедшем, немедленно прислал орден и Струйскому, а дуэль запретил; но Струйский продолжал настаивать на том, чтобы Чичерин отказался от ошибочной награды. Константин Павлович, вытребовав А.Н. Струйского, строго заметил ему:

*Струйской, ты шалишь?

*Я не шалю, ваше высочество.

*Я не позволяю драться с Чичериным на дуэли.

*А я не желаю долее служить под командою вашего высочества, - бесстрашно отвечал Александр Николаевич²².

А.Н. Струйский, бывший крестным отцом А.И. Полежаева, принимал самое живое участие в его судьбе. Будучи в Петербурге в 1824-1825 гг., поэт останавливался у него дома. В своей поэме «Сашка», написанной в подражание «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, А.И. Полежаев в ироническом стиле описал характер своего дяди и некоторые подробности происходивших встреч:

Мой дядя - человек сердитый,
И тьму я браней претерплю,
Но если говорить открыто,
Его немножко я люблю!
Он - черт, когда разгорячится,
Дрожит, как пустится кричать,
Но жар в минуту охладится -
И тих мой дядюшка опять.
Зато какая же мне скука
Весь день при нем в гостинной быть,
Какая тягостная мука
Лишь о походах говорить.

С каким терпением и почтением
Его он слушал по часам,
С каким всегда благоговением
Ходил с ним вместе по церквам.
С какою пылкостью восторга
Хвалил он дядины мечты,
Доказывал премудрость бога,
Вникал в природы красоты.
С каким он жаром удивлялся
Наполеонову уму,
И как делами восхищался
Моро, и Нея, и Даву;
Бранил всех русских без разбора.
И в Эрмитаже от картин
Не отводил ни рта, ни взора.
И потакал, и лицемерил,
И льстил бессовестно, и врал!
А честный дядя всему верил
И шельме денежки давал.

Участник нескольких военных кампаний и более 20 сражений, по лучивший в боях два тяжелых ранения, кавалер многих боевых наград отставной гвардии полковник А.Н. Струйский был зарублен топором собственным крестьянином. «Это было в голодный год, - писала Н.А. Тучкова-Огарева, - Александр Николаевич Струйский запрещал своим крестьянам ходить по миру, а между тем сам не давал им доста точно хлеба. Однажды он воротил крестьянина Семена, которого встретил с сумою; через день или через два дня Александр Николаевич поехал в поле; ему опять попался навстречу тот же крестьянин с сумою... В самый полдень лошадь его пришла домой без седока; послали верховых узнать, что случилось, и нашли помещика в поле с отрубленной головою»²³.

Кроме сыновей, в семье Струйских было три дочери: Маргарита (ок. 1778 - 2.10.1858), Надежда (1786 - ?) и Екатерина (1792 - ?). Следовательно, Евграф Николаевич Струйский, родившийся в 1789 г., был младшим сыном Николая Еремеевича и Александры Петровны и предпоследним ребенком в их многодетной семье.

Как и его братья, еще ребенком Евграф Струйский был зачислен на военную службу, и в 1795 г., значился в Конной гвардии квартирмейстером²⁴. Во второй половине XVIII в. военная служба для дворян стала необязательной. Однако иметь офицерский чин было необходимо для того, чтобы занимать определенное положение в обществе. Поэтому сложился обычай зачислять дворянских недорослей в армейские или гвардейские полки еще в детском возрасте. Молодые дворяне лишь числились «нижними чинами» при полку, а на самом деле находились «в отпусках», живя с родителями и получая домашнее образование. К 15-17 годам они уже прослуживали определенный срок в унтер-офицерских чинах, достаточный для производства в офицеры, после чего для дворянского недоросля и начиналась действительная военная служба. Безусловно, чтобы быть записанным в службу с детства, да еще и в гвардию, куда стремилось попасть множество молодых дворян²⁵, необходимо было иметь влиятельного покровителя. Достаточно вспомнить пример Петруши Гринева из «Капитанской дочки», который был записан в гвардию сержантом, находясь еще в «чреве матери», по милости дальнего родственника майора гвардии князя Б.

Покровительство, которое оказывала Николаю Еремеевичу Екатерина II, а также его богатства открывали Струйскому многие двери. Не случайно, что все его сыновья с детства были записаны в гвардию.

В семилетнем возрасте Евграф Струйский потерял отца. К тому же в 1796 г. на российский престол вступил Павел I,

который ввел в армейскую жизнь серьезные изменения. Являясь поклонником прусской военной системы, Павел насаждал в армии жесткую дисциплину. При нем сильно изменился и облик гвардии. Списки гвардейских полков были пересмотрены, а дворянские недоросли, которые только числились на службе, исключены из нее. Подобная участь постигла и Евграфа Струйского. Причем в его формулярном списке нет даже упоминания о зачислении в Конную гвардию.

В 1804 г. произошел раздел огромного состояния Н.Е. Струйского. В это время одни его сыновья были на службе, а другие еще находились дома. Рузаевское имение по разделу досталось А.П. Струйской и двум ее младшим сыновьям Александру и Евграфу. Александре Петровне предоставили в пожизненное владение рузаевский дом и 300 душ крепостных крестьян в с. Архангельское-Голицыно, Саранского уезда. Она должна была производить расходы на содержание построек и общие семейные дела, в том числе встречать приезжавших погостить старших сыновей и нести все издержки по содержанию тех детей, которые еще находились дома - дочери Маргариты и сыновей Александра и Евграфа. После смерти А.П. Струйской определенная ей часть должна была перейти старшему сыну Юрию²⁶.

В начале XIX в. Евграф Струйский поступил в Пажеский корпус, который считался одним из лучших учебных заведений Петербурга. По воспоминаниям Ф.Я. Мирковича, состоявшегося в нем приблизительно в одно время со Струйским, обучение в корпусе было на весьма высоком уровне: «Так как тогда не было никаких программ, ни печатных курсов (кроме курсов математики Войцеховского)... то каждый учитель читал нам свой предмет, не стесняясь ничем, и раз вивал свободно наши умы. Мы сами, со слов учителя, составляли записки, которые им исправлялись. Таким образом, каждый преподаватель уяснял нам свой предмет с той точки зрения, как сам его понимал, с полным развитием своих собственных идей, а не по чужому толку обязательных курсов. Слушатели должны были внимательно следить за преподаванием, чтобы понять смысл излагаемого для составления собственных записок. От этого все изучаемое оставалось тверже в памяти. <...> Большая часть пажей училась отлично, прилежно; они в этом поставляли свое самолюбие. <...> К соревнованиям было сильным двигателем то обстоятельство, что камер-пажи и пажи могли выходить офицерами первые в гвардию, а последние в армию, сообразно со своими успехами в науках тремя чинами: по ручику, подпоручику и прапорщику»²⁷.

18 января 1806 г. Евграф Струйский был выпущен из Пажеского корпуса поручиком в Киевский гренадерский полк. В то время шефом полка являлся наследный принц генерал-лейтенант К.Ф. Саксен-Веймарский, а командиром был генерал-майор И.Н. Инзов. Киевский гренадерский полк состоял в Украинской инспекции, а в мае 1806 г. по сле проведенной реорганизации войск вошел в состав 10-й дивизии.

Осенью 1806 г. началась война с Турцией. 11 ноября русские войска под общим командованием генерала И.И. Михельсона переправились через Днестр с целью овладеть Молдавией и Валахией. Киевский гренадерский полк вошел в отряд, направленный для блокады крепости Хотин. Вместе с полком в военный поход отправился и Евграф Струйский. Как значится в его формулярном списке, 15 ноября 1806 г. он находился «при обложении турецкой крепости Хотина»²⁸. Вскоре, после объявления войны французам, часть войск с берегов Днестра была направлена для охраны границ между Брестом и Гродно. В состав этого корпуса под командованием генерал-лейтенанта И.Н. Эссе на 1-го вошел и Киевский гренадерский полк. После кровопролитного сражения при Прейсши-Эйлау главнокомандующий русскими войсками граф Л.Л. Беннигсен приказал корпусу И.Н. Эссена 1-го двинуться к Остроленке и атаковать расположенного там неприятеля. 4 февраля 1807 г. русские войска повели наступление на Остроленку, занятую французами, но были отбиты и понесли крупные потери. Здесь поручик Е.Н. Струйский впервые встретился на поле боя с французами.

С 27 ноября 1807 по 15 марта 1808 г. он находился в «домовом отпуску», из которого возвратился в срок²⁹.

В декабре 1808 г. Е.Н. Струйский был произведен в штабс-капитаны. С 23 мая по 20 ноября 1809 г. он находился «против австрийских войск в Старой и Новой Галиции под главным начальством генерала от инфантерии и разных орденов кавалера князя Голицына»³⁰.

Весной 1810 г. Киевский гренадерский полк вновь был направлен на театр военных действий с турками. Штабс-капитан Струйский принимал участие в блокаде и сдаче крепости Силистрия, в двухдневном сражении на высотах в лесу близ г. Шумлы, где за отличие удостоился высочайшего благоволения³¹. В своих «Записках» граф А.Ф. Ланжерон так описал это столкновение с турецкими войсками: «11 июня [1810 г.] генерал Левис двинулся, чтобы занять горы. < . > Пехота наша углубилась в лес, где в четырех шагах от себя уже ничего нельзя было рассмотреть и, понятно, что 7 слабых батальонов по 400 человек не могли выполнить того, что от них ожидали. Вскоре весь корпус Левиса углубился в леса, где они встретились с турецкими стрелками, и между ними началась ужасная переестрелка, длившаяся 48 часов»³².

14 июня 1811 г. Евграф Струйский был произведен в капитаны. В ноябре того же года Киевский гренадерский полк вошел в состав 1-й бригады 2-й гренадерской дивизии генерал-майора принца Карла Мекленбургского. В начале Отечественной войны 1812 года действующие батальоны полка находились в составе своей дивизии в 8-м пехотном корпусе 2-й Западной армии. Полк квартировал в Хомске, Кобринского повета, Гродненской губернии³³. Командующим полком был подполковник Д.А. Чашников³⁴. Капитан Е.Н. Струйский числился в 9-й фузелерной роте 3-го батальона, командиром которого был майор Вешель³⁵. По месячному рапорту полка, на 1 июля в 9-й фузелерной роте состояло: один штаб-офицер (подполковник Д.А. Чашников), три обер-офицера (капитан Е.Н. Струйский, подпоручик П. Эссенгаузен и прапорщик Е. Никитин 2-й), девять унтер-офицеров, три музыканта и 135 рядовых³⁶.

Вечером 4 августа 1812 г. 1-я и 3-я бригады 2-й гренадерской дивизии, том числе и Киевский гренадерский полк,

приняли участие в Смоленском сражении. Утром 22 августа русские войска прибыли на Бородинскую позицию. По общей диспозиции киевские гренандеры вместе с другими полками дивизии первоначально были поставлены восточнее д. Шевардино у ручья Каменка, готовые в случае необходимости своими действиями поддержать 27-ю пехотную дивизию генерал-майора Д.П. Неверовского, которая располагалась несколько впереди всей армии, сразу за Шевардинским редутом.

24 августа французы атаковали Шевардинский редут. Сражение продолжалось всю вторую половину дня. Части 27-й пехотной дивизии мужественно сдерживали неприятеля. Около 7 часов вечера, ввиду создавшегося критического положения, по приказу генерала П.И. Багратиона в бой были введены полки 2-й гренандерской дивизии³⁷. Киевский, Сибирский и Малороссийский гренандерские полки повел в сражение лично генерал-лейтенант А.И. Горчаков, командовавший русскими войсками, оборонявшими Шевардинский редут³⁸. Этот эпизод боя так описывает поручик Симбирского пехотного полка Д.В. Душенкевич: «Чрезмерное превосходство сил неприятельских заставляло двинуть навстречу им гренандерские полки, за нами находившиеся, которые покуда к нам подошли, уже мы были засыпаны с ре дутом нашим гранадами, ядрами, картечью и пулями. Гренандеры, пред полками коих священники в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам - геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице готовность сразиться и умереть. Едва поравнялись они с батареею, как у всех нас настал штыковой бой; то опрокидывали мы штыками, то артиллерия и кавалерия французские атаковали нас. Это не сражение, но сущее побоище тут происходило; гладкое до сего поле приняло вид нивы, вспаханной от перекрестного рикошетного огня; ядра, гранады и картечи роями влетали в колонны наши или пороли землю пред нами, вздымая оную, засыпая фронт. Как ни противустояли усердно-верные сыны России, но несообразное преимущество сил неприятельских поверхностью своею к вечеру захватило батарею нашу с орудиями; ужаснейшее сражение на сем небольшом пространстве продолжалось до глубокого вечера с равным упорством, потом утихло»³⁹.

В ходе Шевардинского боя капитан Струйский «с командуюемою им 9-ю фузелерною ротою, подавая подчиненным ему людям пример отважной против неприятеля храбрости, в том себя отличил и по получении раны майором Вешелем заступил его место и командовал баталионом»⁴⁰.

После 10 часов вечера 2-я гренандерская дивизия была отведена за д. Семеновское. В Бородинском сражении Киевский гренандерский полк не раз участвовал в штыковых атаках за обладание Багратионовыми флешами, захваченными неприятелем, и принимал участие в защите д. Семеновское. В ходе сражения полк понес большие потери. Согласно месячному рапорту полка, на 1 сентября в 9-й фузелерной роте осталось два обер-офицера (капитан Е.Н. Струйский и прапорщик Е. Никитин 2-й), восемь унтер-офицеров, два музыканта и 55 рядовых, а полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 60% офицеров и нижних чинов⁴¹.

За храбрость, проявленную в сражении при Бородине, Е.Н. Струйский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом⁴².

После оставления Москвы при совершении флангового марш-маневра к Тарутину Е.Н. Струйский вместе с киевскими гренандерами находился в арьергарде генерала М.А. Милорадовича. Сдерживая натиск французов, полк был в постоянных сражениях и пере стрелках, сначала при селении Красная Пахра, затем при Воронове. В октябре - ноябре 1812 г. Е.Н. Струйский принимал участие в сражениях при Тарутине, Малом Ярославце, Красном.

Во время заграничных походов 1813-1814 гг. он сражался при Люцене, Герсдорфе, Кенигсварте, Бауцене, Донау, Теплице, Лейпциге, Бриенне, Арси, находился при взятии Парижа⁴³. За отличие, проявленное в сражении при Люцене, Е.Н. Струйский был представлен к ордену Св. Анны 3-й степени, а 5 мая 1813 г. произведен в майоры. Особенно отличились русские гренандеры в «Битве народов» под Лейпцигом. «В сем ужасном сражении, - вспоминал об этом эпизоде боя полковник М.Ф. Орлов, - было одно роковое мгновение, в котором судьба

Европы и всего мира зависела от твердости одного человека. Наполеон, собрав всю свою кавалерию, под прикрытием ужасной батареи, устремил ее на наш центр. Часть оного поколебалась и временно уступила отчаянному нападению; но корпус гренандер под командою Раевского, свернувшись в каре, стоял непоколебимо и, окруженный со всех сторон неприятелем, везде отражал его усилия. Сия твердость дала нашим время выстроиться и вскоре опрокинуть французскую кавалерию, которая принуждена была ретироваться под огнем непоколебимых гренандер, расстроилась и обратилась в бегство»⁴⁴. За храбрость, проявленную в сражении под Лейпцигом, Е.Н. Струйский был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени.

Отличился Е.Н. Струйский и при взятии Парижа. Войска Главной армии, куда входил и 3-й гренандерский корпус, были назначены для атаки высот, окружающих город с восточной стороны. 2-я гренандерская дивизия была двинута для овладения селением Мениль-Монтан. «Я видел, - писал И.И. Лажечников, - как молодые солдаты стремились опереживать старых гренандер, как новобранцы, изстреляв (не да ром!) все патроны свои, прибегали к своим начальникам с просьбою дать им новые заряды, и получив их, спешили на свои места - разить, или умирать»⁴⁵. Селение было взято, причем гренандеры захватили у неприятеля семь орудий. За отличие в этом сражении майор Струйский был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

8 января 1816 г. он был отставлен от военной службы с награждением чином подполковника «за болезнь»⁴⁶.

О жизни Е.Н. Струйского после военной отставки известно немного. Он поселился в Пензенской губернии, жил в

Рузаевке и Саранске, никогда не служил по выборам дворянства и так и не обзавелся семьей. По свидетельству родственников, Евграф Николаевич был человеком замкнутым, всегда держал себя особняком. Известно, что во время приезда Александра I в Пензу в конце августа 1824 г. (для проведения маневров 2-го пехотного корпуса и 2-й гусарской дивизии), Струйский был в числе дворян Пензенской губернии, представленный императору⁴⁷. 16 сентября 1827 г. он получил серебряную медаль в память вступления российских войск в Париж, о чем свидетельствует собственноручная расписка Струйского, обнаруженная недавно в фондах Пензенского архива⁴⁸.

После смерти А.П. Струйской в 1840 г. принадлежавшее ей имущество было поделено между наследниками. Евграфу и несовершеннолетним дочерям его покойного брата Александра досталось с. Тепловка в Инсарском уезде. Рузаевское же имение перешло сестре Маргарите. Между наследниками были разделены крепостные крестьяне и земельные владения в других местах, а также «оставшиеся в наличии деньги, ломбардные билеты, серебро, золото, железо, чугун, пчелы». Евграф Струйский, неудовлетворенный завещанием своей матери, затеял судебное разбирательство, в которое были втянуты его ближайшие родственники⁴⁹.

Евграф Николаевич Струйский скоропостижно скончался в Саранске 27 июня 1841 г. и был похоронен в ограде Саранского Петропавловского монастыря⁵⁰. После его смерти остался солидный капитал в 140 тыс. руб., который, несмотря на старания родственников, был расхищен⁵¹. В своем письме от 4 июня 1852 г., адресованном пензенскому губернскому предводителю дворянства Д.С. Олсуфьеву, племянник Евграфа Николаевича Михаил Петрович Струйский намекает, что дело не обошлось без вмешательства весьма влиятельных особ: графа А.А. Закревского, пензенского губернатора А.А. Панчулидзева и саранского полицмейстера Беклемишева, которые действовали с помощью какой-то фальшивой расписки, составленной от имени Е.Н. Струйского⁵². В итоге «вследствие несогласия, искусно поселенных между наследниками покойного подполковника Евграфа Николаевича Струйского, из всего расхищенного имущества, ему принадлежавшего, даже из вещей личных, находящихся при деле, остались только сани, дуга, хомут и коляска»⁵³.

Именно в то время, когда Е.Н. Струйский проживал в Рузаевке и Саранске, по-видимому, и был заказан тот портрет, который сейчас хранится в ГИМе.

На портрете изображен мужчина в трехчетвертном повороте влево на фоне грозового темного неба с очертаниями облаков (в левой средней части). Одет в черный сюртук, жилет цвета слоновой кости, в белую рубашку с высоким воротником и белым шейным платком. Волосы темные, глаза карие, бакенбарды⁵⁴. На шее знак ордена Св. Анны 2-й степени на ленте. На левой стороне груди колодка с наградами: орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и три медали (серебряная на комбинированной ленте цветов ордена Св. Андрея Первозванного и ордена Св. Георгия «За взятие Парижа», бронзовая на Владимирской черно-красной ленте и серебряная на Андреевской ленте «В память Отечественной войны 1812 года»), чуть ниже - миниатюрная шпага. Портрет принадлежит кисти неизвестного провинциального художника первой половины XIX в. Набор деталей (одежда, прическа, награды, «романтический» фон холста) позволяют датировать портрет 1820-ми годами, когда портретируемый жил в своем имении Рузаевка. И хотя в эти годы Е.Н. Струйский находился уже в отставке и изображен без парадного мундира, художник увидел в нем барскую осанку и военную выправку.

К сожалению, отсутствие в собрании ГИМа аналогов портрета Е.Н. Струйского затрудняет нашу дальнейшую работу по атрибуции портрета. Химико-технологическая экспертиза, которая позволила бы уточнить датировку исполнения данного произведения, а возможно, и пролить свет на историю написания портрета, пока не проведена. Тем не менее отрадно, что портретная галерея участников Отечественной войны 1812 года пополнилась еще одним героем - участником Бородинского сражения Евграфом Николаевичем Струйским, невольно пережившим свое второе рождение⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Анфилов В.Е.* Военный портрет в миниатюре из собрания Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всерос. науч. конф., Бородино, 5-7 сентября 2005 г. М., 2006. С. 120-128; *Шавенков П.В.* Братья Шереметевы - участники Бородинской битвы и их портреты в нижегородских музеях // Там же. С. 129-135; *Ляпушев Г.В.* Участник Бородинского сражения Александр Сергеевич Шкурин: Биография и иконография // Там же. С. 136-142; *Анфилов В.Е.* Материалы к атрибуции живописного портрета П.П. Коновницына из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всерос. науч. конф., Бородино, 4-6 сентября 2006 г. М., 2007. С. 90-95; *Шавенков П.В.* Портреты неизвестных участников Отечественной войны 1812 г. в нижегородских музеях: историко-предметная атрибуция // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Иконография. Вып. VII: К 200-летию Отечеств. войны 1812 г. / Тр. ГИМ. М., 2008. Вып. 179. С. 227-236.

² *Бобров Е.* Из истории жизни и поэзии А.И. Полежаева [Ч.1] // Варшав. университет. известия. 1904. №2.

³ *Сушкова Е.* Усадьба Струйских «Рузаевка» (Из воспоминаний последней в роде) // Столица и усадьба. Петроград, 1915. №38/39. С. 5.

⁴ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Фотофонд. №1-А. 208А.

⁵ *Воронин И.Д.* А.И. Полежаев: Жизнь и творчество. Саранск, 1979; *Васильев Н.Л.* Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003; *Белоусов С.В.* «Недаром помнит вся

Рос сия...»: Пензенцы - участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Пенза, 2004. С. 269.

⁶ В инвентарной книге фонда живописи отдела ИЗО ГИМ портрет Е.Н. Струйского описан следующим образом: «Неизвестный. Поясной, % влево.

8 черном фраке, белом жилете, белой рубашке, белом шейном платке и белом воротничке. На шее Анненский крест, на груди колодка с Владимирским крестом и тремя медалями. Черные густые волосы и баки, густые темные брови, большие карие глаза, длинный прямой нос с горбиной, небольшой рот, короткий, несколько выдающийся вперед подбородок. Первая четверть XIX века. Холст, масло. Раз мер: 76 x 58 см. Холст дублирован». См.: ГИМ 38991 И I-2451.

⁷ ГИМ. Отдел учета. ГИК №№ 38989, 38990, 38991.

⁸ НВА ГИМ. Д. 82. Оп. 1. Л. 59-60.

⁹ Каталог выставки Ф.С. Рокотова в ГТГ. Москва, 1923. № 15, 16.

¹⁰ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2788. Л. 11-12.

¹¹ Подробнее о роде Струйских см.: *Васильев Н.Л.* Указ. соч. С. 5-9.

¹² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи: В 10 ч. СПб., 1797. Ч. 3. С. 51.

¹³ *Бобров Е.* Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1 // Рус. старина. 1903. № 8. С. 265.

¹⁴ О дружеских отношениях Н.Е. Струйского с Ф.С. Рокотовым подробнее см.: *Васильев Н.Л.* Указ. соч. С. 72-74.

¹⁵ Строительство Рузаевской усадьбы началось уже зимой 1772 г., сразу же после свадьбы. Барский дом возводился по чертежам архитектора Ф.Б. Растрелли. См.: *Васильев Н.Л.* Указ. соч. С. 55-56.

¹⁶ *Долгорукий И.М.* Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. С. 59-60.

¹⁷ *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 158-159.

¹⁸ *Долгорукий И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Пг., 1916. С. 359. Н.Е. Струйский скончался 2 декабря 1796 г. в Рузаевке, менее чем через месяц после смерти Екатерины II.

¹⁹ *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 159-160.

²⁰ В реляции о его награждении орденом Св. Георгия 4-го класса от 9 ноября 1812 г. говорится, что капитан лейб-гвардии Драгунского полка А.Н. Струйский был награжден «в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года ноября 3, 4, 5, 6, 7 и 9 при Красном, где явил пример храбрости и неустранимости при атаке и поражении неприятеля».

²¹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118 об-120.

²² *Бобров Е.* Семейная хроника рода Струйских... Ч. 1. С. 275-276.

²³ *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. М., 1959. С. 35-37; *Бобров Е.* Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 2 // Рус. старина. 1903. № 9. С. 481-485. Подробности уголовного дела об убийстве А.Н. Струйского см.: ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 259б.

²⁴ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2788. Л. 16 об-17.

²⁵ Напр., в 1792 г. в лейб-гвардии Преображенском полку на 3,5 тыс. рядовых числилось 6 тыс. (!) унтер-офицеров. См.: *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота, 1698-1801. М., 1995. С. 127-128.

²⁶ *Бобров Е.* Семейная хроника рода Струйских... Ч. 1. С. 268.

²⁷ Миркович Ф.Я., 1789-1866: Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889. С. 16-17.

²⁸ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 116 об-117 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Записки графа Ланжерона: Война с Турцией, 1806-1812 // Рус. старина. 1909. № 6. С. 551.

³³ Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1177. Л. 108.

³⁴ Командир Киевского гренадерского полка генерал-майор И.Н. Инзов исполнял должность начальника штаба в 3-й резервной обсервационной армии, а шеф полка генерал-лейтенант принц К.Ф. Саксен-Веймарский, числившийся им с августа 1803 г., к полку так и не прибыл. См.: *Васильев А., Елисеев А.* Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 года: состав войск и их численность. М., 1997. С. 41, 64.

³⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1177. Л. 14 об, 122 об, 148 об, 182 об.

³⁶ Там же. Л. 135.

³⁷ *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года. М., 1911.

Вып. 3. С. 49.

³⁸ На это в своем рапорте, в частности, указывает командир 4-го резервного кавалерийского корпуса генерал-майор К.К. Сиверс. См.: Бородино: Документ. хроника / Сост. А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М., 2004. С.253.

³⁹ *Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812 до 1815 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1985. С. 114.

⁴⁰ *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. С. 49.

⁴¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1177. Л. 197.

⁴² В реляции о награждении Е.Н. Струйского орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом говорится, что он «24 и 26-го августа с вверенною ему ротою поступал с отличною храбростию и мужеством и по случаю получения раны майором Вешелем командовал баталионом». См.: РГВИА. Ф. 29. Оп. 153 г. Св. 20. Д. 13. Л. 428 об-429.

⁴³ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л.116 об-117 об.

⁴⁴ *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 39.

⁴⁵ *Лажечников И.И.* Походные записки русского офицера. СПб., 1820. С. 223.

⁴⁶ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 116 об-117 об.

⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 573. Л. 26, 26 об, 29, 36.

⁴⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 119.

⁴⁹ *Васильев Н.Л.* Указ. соч. С. 37.

⁵⁰ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2789. Л. 1 об.

⁵¹ *Бобров Е.* Семейная хроника рода Струйских... Ч. 1. С. 269.

⁵² ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2789. Л. 7 об.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ Как сообщает Е. Бобров, известный русский поэт А.И. Полежаев имел весьма большое сходство со своим дядей, Евграфом Струйским, особенно в глазах, и добавляет, что своей наружностью Полежаев пошел в родню Струйских. См.: *Бобров Е.* Из истории жизни и поэзии А.И. Полежаева... С.12.

⁵⁵ Авторы благодарят хранителя живописи XIX в., ведущего научного сотрудника отдела ИЗО ГИМ Перевезенцеву Наталью Андреевну за помощь, оказанную при атрибуции портрета Е.Н. Струйского.